

Stanislav Shuripa

Anna Titova

FLOWER POWER. ARCHIVE

**Агентство Сингулярных Исследований
Станислав Шурипа, Анна Титова**

FLOWER POWER. ARCHIVE

**Agency of Singular Investigations
Stanislav Shuripa, Anna Titova**

Московский музей современного искусства

**Агентство Сингулярных Исследований
Станислав Шурипа, Анна Титова**

FLOWER POWER. ARCHIVE

**Agency of Singular Investigations
Stanislav Shuripa, Anna Titova**

Московский музей современного искусства и галерея «Триумф» рады представить проект Агентства Сингулярных Исследований (АСИ) «Flower Power. Архив» и сопровождающий его каталог.

Основанное в 2014 году художниками Станиславом Шурипой и Анной Титовой, Агентство Сингулярных Исследований (АСИ) изучает так называемые «серые зоны», простирающиеся между фактическим и фиктивным, напрямую влияющие на информационный обмен между прошлым и настоящим. В своих проектах художники раскрывают новые возможности изменения существующей действительности, которая лишь отчасти фиксируется за счет документалистики, тогда как огромная доля восприятия окружающего нами мира и наших представлений об истории зависят исключительно от силы воображения и многочисленных вымыслов и догадок, того невидимого, которое осталось за рамками физических свидетельств произошедших событий.

В проекте «Flower Power. Архив» АСИ продолжает раскрывать потенциал жанра исторической реконструкции, обращаясь к традиционному языку исторических и краеведческих музеев и к архиву как живому процессу и источнику новых смыслов, а не только месту хранения оставшихся от прошлого документов и предметов. Выставка погружает зрителя в пространство альтернативной истории и, через смешение реальных и вымышленных артефактов, рассказывает о воображаемом тайном обществе, внедряя его в контекст советской истории. Таким образом, художественная мистификация органично вплетается в реальный исторический опыт, демонстрируя тонкость грани между миром фактов и миром вымысла.

Московский музей современного искусства рад продолжить сотрудничество с галереей «Триумф» и выражает признательность всем участникам проекта.

Василий Церетели

Исполнительный директор Московского музея современного искусства

by **Vasili Tsereteli**

Executive Director, Moscow Museum of Modern Art

Moscow Museum of Modern Art and Triumph gallery present the exhibition project by the Agency of Singular Investigations (ASI) *Flower Power. Archive* and this accompanying album.

Founded in 2014 by artists Stanislav Shuripa and Anna Titova, the Agency for Singular Investigations (ASI) explores the gray areas that lie between facts and fiction and directly affect the information exchange between the past and present. Their projects uncover new opportunities to change the existing reality, since it is only partially recorded by the documentary genres whereas a large portion of our perceptions and historical beliefs are determined exclusively by the power of imagination and numerous fabrications or conjecture—the unseen that cannot be traced in the hard evidence left by past events.

In *Flower Power. Archive*, the ASI continues to explore the genre of historical reconstruction; the artists use the traditional language of local-history museums and tap archives as a living source of new meanings, not just the storage space for documents and artefacts of the past. The exhibition immerses the viewer into the space of alternative history and, by conflating real and imagined artefacts, tells the story of an imagined secret society, integrated into the context of Soviet history. This artistic hoax is thus able to naturally intertwine with the real historical experience and demonstrate the thinness of the line between the realm of facts and the realm of fiction.

Moscow Museum of Modern Art gladly continues its collaborations with Triumph gallery and thanks all contributors to this project.

ПРИЗРАКОЛОГИЯ НАСТОЯЩЕГО

Термин «призракология» изначально был введен Жаком Деррида в его работе «Призраки Маркса» (1993), где он критикует идею Фукуямы о конце истории и всех больших идеологий. С точки зрения философа, призрак — это сущность, обладающая двойственным характером: он и существует, и не существует одновременно, он «носит в себе наследие других эпох, но тем не менее непредсказуем и неумолим». Нарушая привычную структуру времени, привидения приходят к нам из прошлого в виде следа, вторгаются в наше настоящее и неизбежно меняют его.

Выставка Агентства Сингулярных Исследований (Станислав Шурипа, Анна Титова) посвящена именно таким призракам — тем, о которых старались забыть, или тем, о которых мечтали, тем, что не вошли в анналы официальной истории, и тем, чье существование подвергнуто сомнению. Их неуспокоенный дух сквозит в слоях коллажей, повествующих о политических событиях, воплощается в телах скульптур, изображающих героев контркультурного сопротивления, прячется в архивных боксах с названиями всевозможных идеологий, культурных течений и социальных движений.

Анализируя на примере истории некоего тайного сообщества Flower Power коллективные влечения XX века, Агентство Сингулярных Исследований рассматривает, прежде всего, политическое измерение призракологии. В фокусе их художественного анализа оказывается утопический проект по переустройству общества, существующего в модусе бесконечного повторения и откладывания в будущее, которое так и не состоялось.

Исчезновение будущего и его вытеснение прошлым, распад линейного времени и привычных форм темпоральности — ключевые вопросы для художников, которые они исследуют с помощью парадоксальных пространственно-временных моделей.

С одной стороны, АСИ подчиняет повествование о главных вехах деятельности сообщества жесткой хронологии, претендующей на историческую объективность. С другой, реальность предъявленных нам событий расслаивается, делится, распадается, создавая психоделический узор из образов различных темпоральностей. В работах художников возникают зоны интерференции, где разные временные пласты сближаются и взаимопроникают друг

в друга, представляя историю как многомерное и полиритмичное пространство. В этой оптике наша современность предстает как то, что пребывает в подвижной связи между прошлым и будущим, бесконечно меняя свою конфигурацию.

Важно отметить, что Flower Power — проект преобразовательный, освободительный, заряженный мессианическим потенциалом. Он пытается осуществить разрыв с настоящим путем активного влияния на действительность через всевозможные практики воздействия — магию, телепатию, пропаганду.

Различие между хронологической и мессианической темпоральностями Джорджо Агамбен определил следующим образом: «мессианическое время — пульсирующее внутри времени хронологии, готовое вырваться в любой момент и произвести неуловимое смещение, являющееся „во всех смыслах решающим”»¹. Однако это смещение невозможно заметить сразу, мы никогда не можем предсказать наверняка то, какими будут его последствия. Реальное историческое событие становится им ретроспективно, когда очевидны его результаты.

Можем ли мы сегодня мыслить такое событие, размещая его в горизонте грядущего, как делали это участники Flower Power? Кажется, это едва ли возможно, так как современное общество живет в режиме абсолютной синхронности происходящего благодаря скорости социальных сетей и средств массовой информации. Политическое и медиасобытие слились в абсолютном единстве, производя огромное количество психоделических образов-монстров и вызывая на свет призраков всех мастей, заражая нас коллективным психозом.

Выход из данного режима темпоральности, удержание рефлексивной дистанции по отношению к собственному времени становится сегодня ключом к пониманию современности и способом ее критического осмысления. Следуя этой логике, Станислав Шурипа и Анна Титова часто используют потенциал анахронизма и асинхронности в своей художественной практике, противопоставляя механистическому видению мира нерациональные формы знаний — спиритуализм, эзотерику, психоделические практики. Такой трансверсальный взгляд на мир разрушает устоявшиеся структурные барьеры между различными типами рациональности и дает возможность свободно взаимопроникать, казалось бы, далеким друг от друга интеллектуальным традициям, научным дисциплинам и культурным текстам. Позиция художников близка так называемому системному подходу к жизни, который охватывает все формы жизни на земле

и предлагает концепцию переплетения ее сетей, отказываясь от разделения на разум и материю, науку и духовность.

В своей работе 1993 года «Три экологии» Феликс Гваттари предлагает идею новой экологической демократии, противопоставляя ее концепту машинного капитализма, порабощающему наше общество путем применения алгоритмических логик к человеку. Объединяя регистры «окружающей среды, социальных отношений и человеческой субъективности», философ говорит о том, что «истинный ответ на экологический кризис можно найти только в масштабе планеты и при том условии, что произойдет настоящая политическая, социальная и культурная революция, переориентирующая цели производства материальных и нематериальных ценностей. Эта революция, следовательно, должна касаться не только отношений видимых сил в большом масштабе, но в равной степени и молекулярных областей чувствительности, интеллекта и желания. [...] Ментальная экософия приведет к переизобретению отношения субъекта к телу, фантазму, проходящему времени, „тайнам“ жизни и смерти. Она приведет к поиску антидотов массмедийной и телематической стандартизации, конформизму моды, манипулированию общественным мнением посредством рекламы, опросов и т. п. Способ ее работы будет ближе к подходу художника, чем профессиональных „психотерапевтов“, вечно преследуемых устаревшим идеалом научности»².

Разве не таким хотели бы видеть будущее многие из нас? Если да, значит движение Flower Power все еще живет!

Юлия Аксенова

¹ Юшин П. Темпоральная политика для устаревших. <https://syg.ma/@stenograme/tiemporalnaia-politika-dlia-ustarievshikh>. См. также Агамбен Дж. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам. Пер. с итал. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 92.

² Гваттари Ф. Три экологии. Часть 1. Пер. с фр. Л. Прокопенко. <https://syg.ma/@lesia-prokopenko/fieliks-gvattari-tri-ekologhii-chast-1>.

HAUNTOLOGY OF THE PRESENT

by Yulia Aksenova

Hauntology is a concept originally coined by philosopher Jacques Derrida in his 1993 book *Spectres of Marx*, where he criticizes Fukuyama's end of history and end of major ideologies. The philosopher regards ghosts as beings of a dual nature which are neither present, nor absent at the same time, embodying the legacy of other eras, yet unpredictable and unrelenting. Breaching the conventional temporal structure, ghosts visit us from the past in form of trace, invading our present and inexorably changing it.

The Agency of Singular Investigations (Stanislav Shuripa, Anna Titova) exhibition is about precisely this type of ghosts—that which was an unwanted memory or an object of want, which entered the annals of establishment history, and the very existence of which is contested. Their unique spirit is seeping through layered collages that narrate political events, manifesting in sculptural shapes that depict heroes of countercultural resistance, hiding in archival boxes labeled as various ideologies, cultural and social movements.

The Agency of Singular Investigations analyzes a specific case of a secret society, Flower Power, representing collective desires of the 20th century, and, in that, primarily investigates the political dimension of hauntology. The focus of their artistic analysis is a utopian project to reorganize the society that operates in a mode of endless repetition and deferral to a future which never came to be.

The disappearance of the future and its displacement by the past, disintegration of linear time and conventional forms of temporality are the key subject matter for the artists that they explore through paradoxical space-time models.

On the one hand, the ASI frames the story about the milestones of the secret society within a rigid timeline making a claim to historical objectivity. On the other, the reality of narrated events separates into layers, divides, breaks up, and creates a psychedelic ornament of images of different temporalities. The artworks have emergent areas of interference where different temporal formations converge and penetrate each other to represent history as a multidimensional and polyrhythmic space. Through this lens, our own modernity appears to be in fluid connection with the past and the future, endlessly reconfiguring itself.

Note that *Flower Power* is a transformative liberation project charged with a messianic promise. It attempts to decouple from the present

by means of active engagement of reality through various practices of influence—magic, telepathy, propaganda.

The difference between chronological and messianic time, according to Giorgio Agamben, is that the messianic time is time pressing within the chronological time, ready to manifest at any time and effect an ever so slight adjustment, which is in every way a decisive one.¹ This adjustment, however, is impossible to recognize right away, and we can never surely predict its consequences. A real historical event becomes such retroactively as its outcomes become apparent.

Are we capable of conceptualizing such an event by placing it on the horizon of the future, as members of Flower Power did it? It seems barely possible since the society of today is living in a world of ultimate synchronicity of events due to the speeds of social and mass media. A political and a media event have fused in complete unity, spawning large numbers of psychedelic monster-images and conjuring up ghosts of every stripe and color, breeding collective psychosis within us.

Escaping this mode of temporality, maintaining a reflexive distance from own time are becoming key to comprehending the modernity and a means to critically evaluating it. By this logic, Stanislav Shuripa and Anna Titova often tap the potential of anachronism and asynchrony, opposing mechanistic worldviews with irrational knowledge—spiritualism, esotericism, psychedelic practices. This transversality of worldview brings down the established structural barriers between different types of rationality and enables free interpenetration of seemingly alien intellectual traditions, academic disciplines and cultural texts. The artists take a position close to what's termed the systems approach to life, which, encompassing all living beings on Earth, theorizes intertwining of life networks and rejects differentiation of mind and matter, science and spirituality.

In his 1993 book *The Three Ecologies*, Félix Guattari introduces the concept of a new ecological democracy in opposition to the industrial capitalism of machines that subjugates our society by algorithmizing humans. Combining the registers of the “environment, social relations and human subjectivity,” the philosopher proposes that “the only true response to the ecological crisis is on a global scale, provided that it brings about an authentic political, social and cultural revolution, reshaping the objectives of the production of both material and immaterial assets. Therefore this revolution must not be exclusively concerned with visible relations of force on a grand scale, but will also take into account molecular domains of sensibility, intelligence and desire. [...] Mental ecosophy will lead us to reinvent the relation of the subject to the body, to phantasm,

to the passage of time, to the ‘mysteries’ of life and death. It will lead us to search for antidotes to mass-media and telematic standardization, the conformism of fashion, the manipulation of opinion by advertising, surveys, etc. Its ways of operating will be more like those of an artist, rather than of professional ‘psychiatrists’ who are always haunted by an outmoded ideal of scientificity.”²

Is that not the future many of us would want to see? If so, then the Flower Power movement is alive and well!

¹ Pavel Yushin, *The Temporal Politics for Outdated*. <https://syg.ma/@stenograme/tiemporalnaia-politika-dlia-ustariievshikh>. See also Giorgio Agamben (2005 [2000]), *The Time That Remains: A Commentary on the Letter to the Romans*. (Stanford: Stanford University Press).

² Felix Guattari (2000 [1989]), *The Three Ecologies*. (London: The Athlone Press).

NETWORKED TIME

СЕТЕВОЕ ВРЕМЯ

1.1 ОТКРЫТОЕ ПРОШЛОЕ

Здесь начинается рассказ об истории тайного общества Flower Power (в пер. с англ. — «сила цветов»), его возникновении, действиях и идеях. Почти все, что известно об этой организации, основано на документах из ее архива. На основе архивных свидетельств построен и исторический таймлайн, расположенный во всех трех залах первого этажа.

Открытка из Чикаго. Подлинник письма, написанного предположительно руководством Чикагской Ветви Flower Power ленинградским единомышленникам. Авторы текста используют специально изобретенный иносказательный язык. В письме упоминаются факты из ранней истории организации, отраженные в историческом таймлайне. Текстом этого письма, скорее всего, и были инспирированы представления последнего поколения адептов Ленинградской Ветви о восходящей к эпохе Просвещения истории организации.

Аллея героев, реконструкция. Ранний проект, посвященный процессам монументализации исторической памяти (МИП). Серия портретов культурных героев, почитавшихся адептами Flower Power, выполненных в традиции вырезания силуэтов. Это портреты восьми деятелей правозащитного движения (Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг), вышедших в августе 1968 года на Красную площадь в Москве в знак протеста против вторжения стран Варшавского договора в Чехословакию. Оригиналы изготавливались из листьев растений, обладающих магико-политическими свойствами.

1.1. OPEN PAST

This is the beginning of the story of a secret society—Flower Power, its origins, actions and goals. Almost everything that we know about this organization comes from its archive. The entire first floor of the exposition is occupied by the historical timeline of this organization, reconstructed using archival evidence.

Postcard from Chicago. The original copy of a letter attributed to the leaders of the Chicago Branch of Flower Power and mailed to their counterparts in Leningrad. The letter is written in a carefully designed metaphorical language. It provides facts about the early history of the organization, marked in the timeline. The text of this letter is likely to have inspired the last generation of disciples from Leningrad and shape their beliefs about Flower Power history and its roots in the Enlightenment.

The Alley of Heroes (reconstruction). An early project addressing the mechanics of monumentalization of historical memory (MHM). It takes the form of a series of silhouette portraits depicting cultural heroes, revered by Flower Power disciples. These are portraits of eight human rights activists (Konstantin Babitsky, Tatiana Baeva, Larisa Bogoraz, Natalya Gorbanevskaya, Vadim Delaunay, Vladimir Dremluga, Pavel Litvinov, Viktor Fainberg) who, in August 1968, took to the Red Square to protest against the invasion of Czechoslovakia by the Warsaw Pact allies. Original portraits were made from leaves of plants that possessed magical-political properties.

В 1870 году в Париже состоялся первый съезд ФП, посвященный вопросам упрощения и демократизации образования, в частности, в области высшего образования («Свободное образование»). В этот период ФП активно взаимодействует с различными политическими движениями.

Россаньо публикует свой труд «О культуре и природе», в котором вводит термин «культура», который впоследствии становится синонимом культуры.

18 членов ФП, включая специалистов в ботанике, организуют первый конгресс новой организации, названный «La Positivite des Fleurs» (ФП). Россаньо и Волбраунг инициируют идею «шоу-ап».

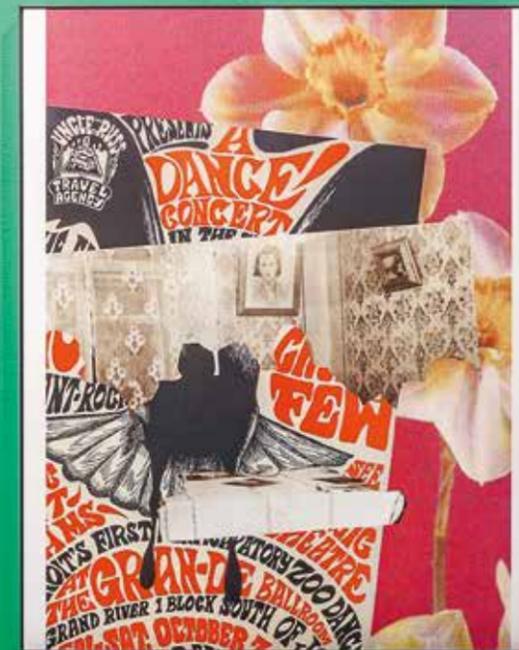
Rossano sends his pamphlet *On the Definition of Flowers between Culture and Nature* to the congress, where the term «cultural culture» is introduced to describe certain plants.

Члены ФП проводят серию ботанико-политических экспериментов с растениями, чтобы убедить короля отречься от престола и провозгласить приход Монархии.

1780
1782

Members of the FP set a series of botanical-political experiments with flowers in order to persuade the king to abdicate the throne and proclaim the end of the monarchy.

Полный разгром ФП в СССР. Большинство активистов репрессировано. Все оставшиеся ячейки самораспускаются.

1934

Complete defeat of the Flower Power in the USSR. Most activists are repressed. All remaining cells self-dissolve.

Исторический таймлайн (фрагмент)

2019
Оракал
Размеры варьируются

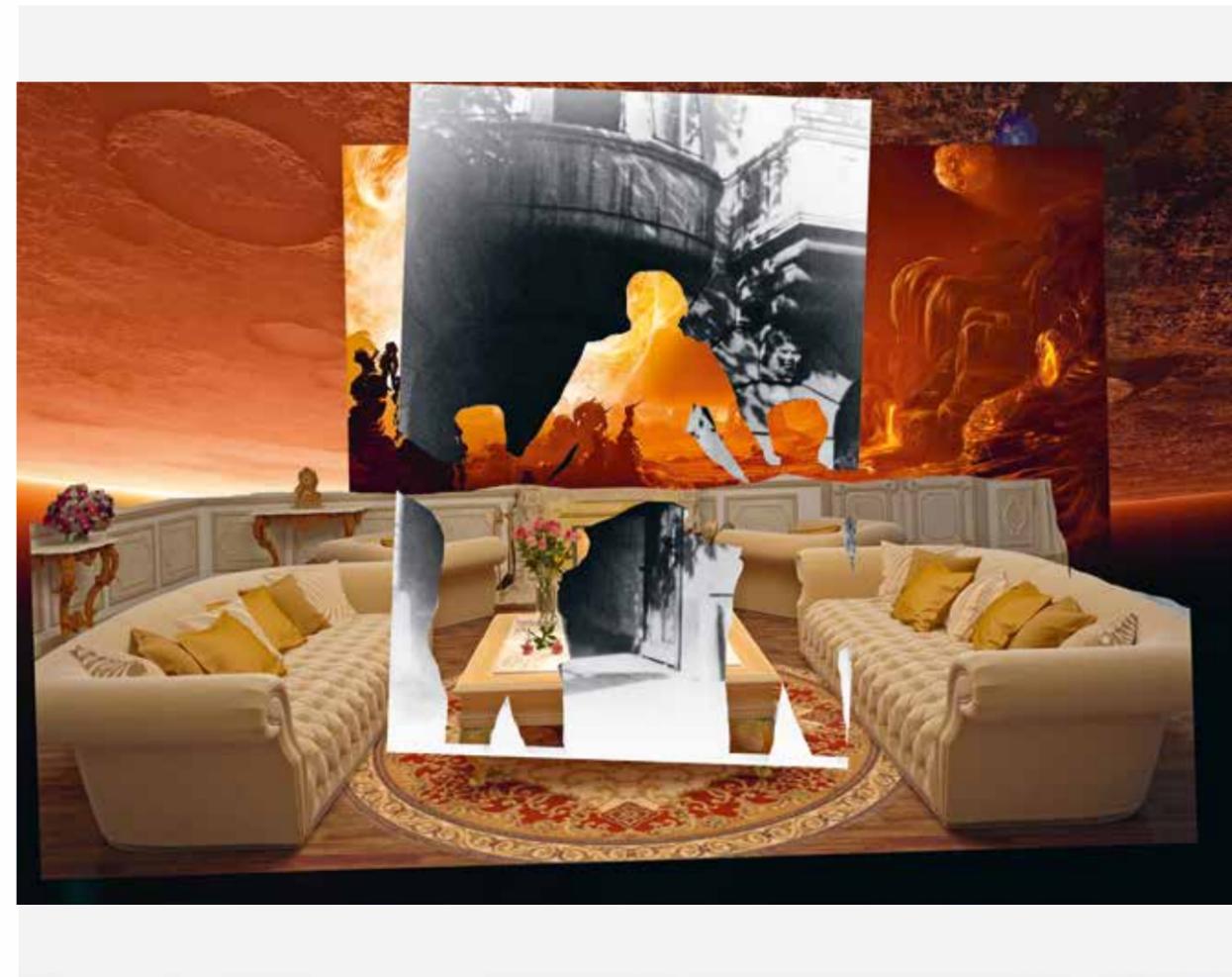
Historic Timeline (detail)

2019
Vinyl
Dimensions variable

Центральная площадь
2019
Коллаж, печать на бумаге
40 × 50 см

Central Square
2019
Collage, c-print on paper
40 × 50 cm

Гости
2018
Коллаж, печать на бумаге
40 × 50 см

Visitors
2018
Collage, c-print on paper
40 × 50 cm

Аллея героев (Наталья Горбаневская) *Alley of Heroes (Natalya Gorbanevskaya)*
2019
Бронза, патина
36,5 × 18 × 3 см

Аллея героев (Владимир Дремлюга) *Alley of Heroes (Vladimir Dremluga)*
2019
Бронза, патина
33,5 × 17,5 × 3 см

Открытка из Чикаго
2018
Объект, открытка, рама
30 × 40 × 3 см

Postcard from Chicago
2018
Object, postcard, frame
30 × 40 × 3 cm

1.2 РАСШИРЕННОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Экспонаты данного раздела рассказывают об отношении адептов Flower Power к настоящему. Текущий момент не считался лишь точкой или кометой с исчезающим во тьме хвостом. Наоборот, настоящее представлялось как возможность, как множество переходов между различными версиями прошлого и будущего. Определенные объекты и ситуации могут усиливать интенсивность настоящего, что открывает доступ к новым областям возможного.

Дачный домик, реконструкция. Макет постройки, служившей для собраний и парапсихологических сессий группы в поздний период. Этот типичный образец дачной архитектуры того времени служил усилителем интенсивности настоящего (УИН) во время совместных парапсихологических мероприятий.

Счастливый билет, реконструкция. Билет был получен одним из адептов во время поездки на одно из загородных собраний группы. Позднее неоднократно использовался в качестве УИН, особенно при перемещениях во времени.

Ориентационный ковер-схема. Адепты Flower Power использовали подобную разметку для создания темпоральных коммутаторов (ТК), своего рода стартовых площадок для перемещений во времени. Конструкция ТК основана на принципе множественности временных потоков. Выстраивая собственные маршруты между различными вариантами прошлого, будущего и настоящего, путешественники во времени, или темпонавты, могли выявлять скрытые связи вещей (ССВ), неизвестные возможности настоящего (НВН) и забытые надежды прошлого (ЗНП).

Сетевая концепция истории нашла отражение и в представленных вместе с историческим таймлайном коллажах, реконструирующих видения темпонавтов и участников парапсихологических сессий.

1.2 EXPANDED PRESENT

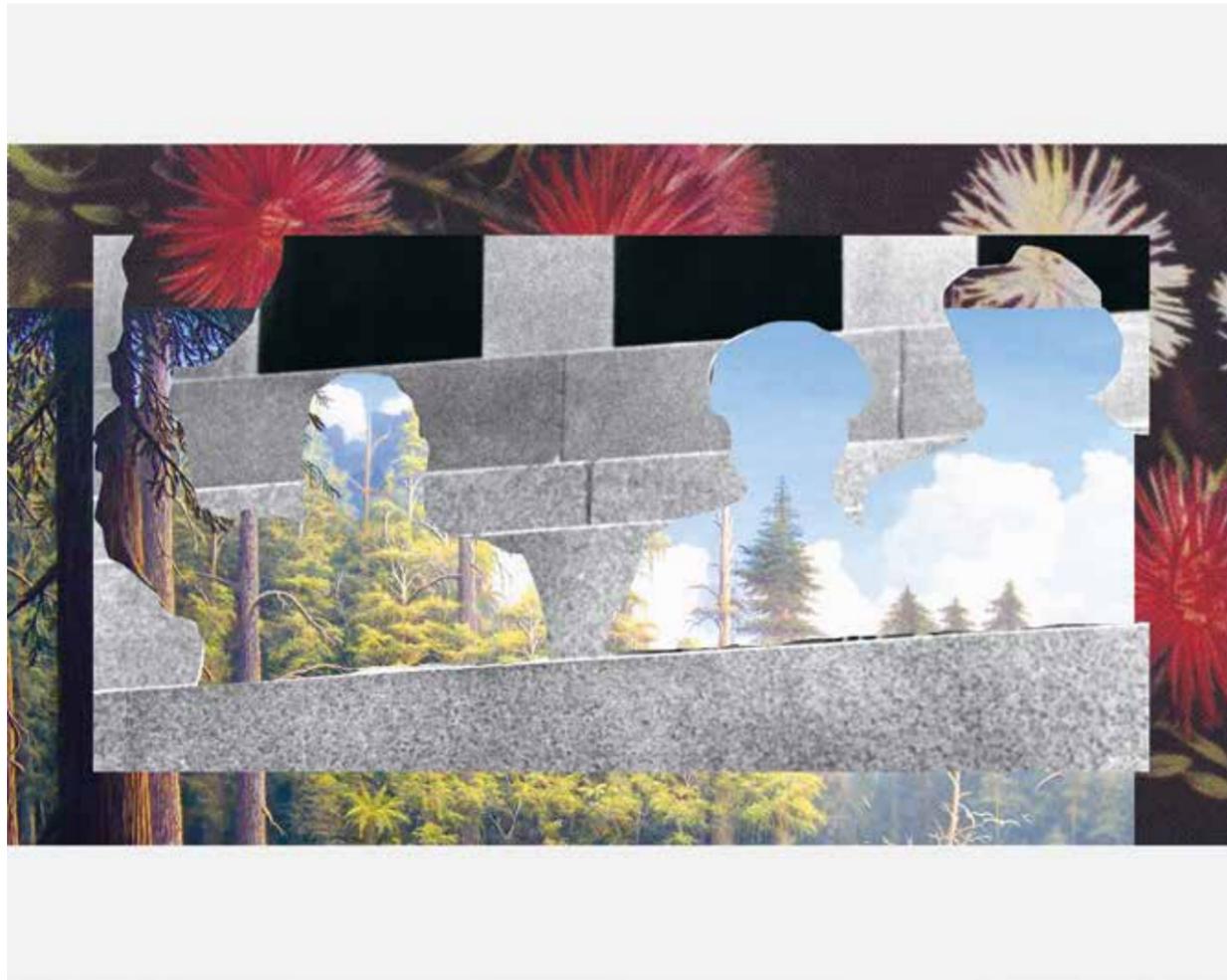
The exhibits of this section reveal what attitudes Flower Power disciples held towards the present. The present moment was not thought of as a mere point or a comet with its trail dissipating in the darkness. Quite the contrary, the present was thought of as an opportunity, a multitude of transitions between different versions of the past and future. Certain objects and situations can amplify the intensity of the present, thus opening access to new realms of possibility.

Dacha (reconstruction). A scale model of the building used by the group during its later years for meetings and parapsychological sessions. This house, typifying countryside architecture of that time, served as an intensity amplifier for the present (IAP) during shared parapsychological sessions.

Fortune Ticket (reconstruction). One of the disciples got that ticket when he travelled to a countryside meeting. Later, it was used many times as the IAP, especially during time travel.

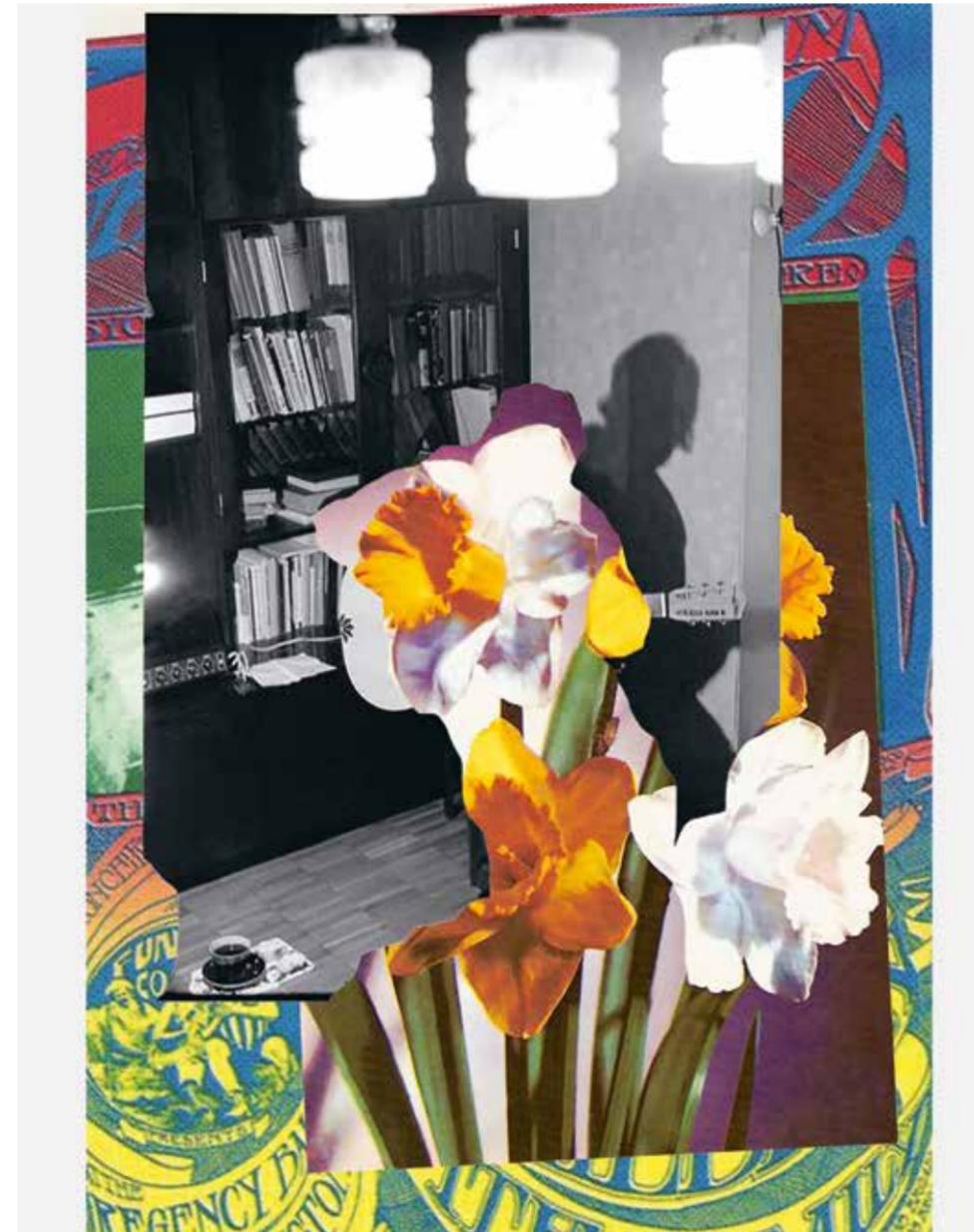
Oriental Carpet Scheme. Flower Power disciples used patterns of this sort to create temporal switchboards (TS), a type of launchpads for time travel. TS design operates using the principle of temporal flows. By plotting their own routes across different versions of the past, future and present, time travelers, or temponauts, were able to uncover hidden material links (HML), unknown potentials of the present (UPP) and lost hopes of the past (LHP).

The network theory of history also informed the collages, displayed alongside the timeline, that reconstructed visions encountered by the temponauts and participants of the parapsychological sessions.

На трибуне
2018
Коллаж, печать на бумаге
40 × 50 см

On the Tribune
2018
Collage, c-print on paper
40 × 50 cm

Квартирник
2018
Коллаж, печать на бумаге
50 × 40 см

Kvartirnik
2018
Collage, c-print on paper
50 × 40 cm

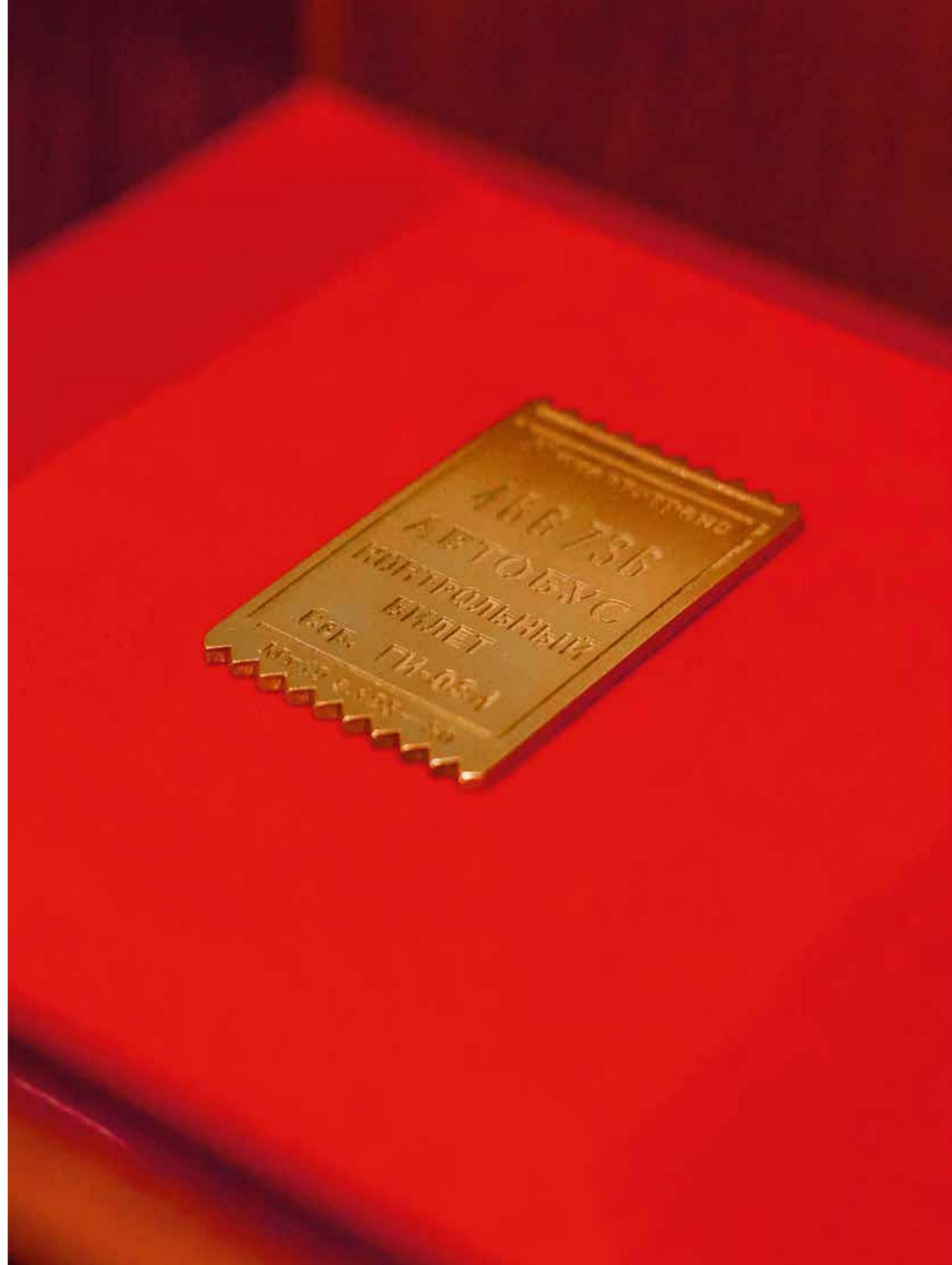

Дача
2019
Дерево, картон, акрил
24,5 × 35 × 35 см

Счастливый билет
2019
Латунь
6,7 × 4 × 0,2 см

Dacha
2019
Wood, cardboard, acrylic
24.5 × 35 × 35 cm

Fortune Ticket
2019
Brass
6.7 × 4 × 0.2 cm

Ориентационный ковер-схема
2019
Ковралин, печать
Размеры варьируются

Orientational Carpet Scheme
2019
Print on carpet
Dimensions variable

1.3 БУДУЩЕЕ

Большой ботанико-политический лексикон, реконструкция. В экспозиции представлены несколько копий уникального издания. Этот фундаментальный словарь-атлас был напечатан самиздатовскими методами в последний период существования организации. Словарь содержит термины тайного языка цветов (ТЯЦ), разработанного участниками группы для общения между собой, с представителями других ячеек и любыми лицами, посвященными в ботанико-политическую доктрину (БПД). В основе БПД — тайное знание о способности цветов влиять на политические реалии, или о политической силе цветов (ПСЦ). Вошедшие в словарь термины принадлежат области политического дискурса XX века. Каждому из понятий соответствует определенный цветок. ТЯЦ разрабатывался Ленинградской Ветвью Flower Power для использования в будущем, когда ключевые политические идеи Нового времени утратят привычную структуру, сохранив лишь общие очертания логической формы. Поэтому означившим элементом в ТЯЦ выступает только контур цветка, детали его строения опускаются.

Один из самых простых способов использования ПСЦ состоит в том, чтобы вызвать в уме ментальный образ какого-либо политического явления, силы или актора и спроецировать его на ментальный образ соответствующего растения. Ментальное коллажирование было неотъемлемой частью практик группы. Его различные формы применялись в групповых телепатических и парапсихологических сеансах (ГТиПС). Образцами таких ментальных композитов являются некоторые из сопровождающих исторический таймлайн коллажей.

Стена из картонных коробок. Таким предстал перед поисковой командой АСИ архив Ленинградской Ветви Flower Power, найденный в заброшенном дачном поселке. Каждая из почти трехсот коробок заполнена фотографиями, рисунками, картами, письмами, заметками, дневниками, машинописными текстами и ксерокопиями, вырезками из газет и журналов, найденными предметами и другими документами, детально описывающими многие исторические события, а также идеи и практику группы.

1.3 FUTURE

Botanico-Political Lexicon (reconstruction). The exposition features several copies of this unique publication—a fundamental dictionary-atlas that was printed as an underground press run during the latest years of the organization. The dictionary contains the terms of the secret flower language (SFL) developed by the group members to communicate internally, with other underground cells or anybody who had been led in on the Political Botany Doctrine (PBD). The foundation of the PBD rests on the secret knowledge that certain flowers have the capacity to influence political reality, in other words—political power of flowers (PPF). The entries in the dictionary come from the political discourse of the 20th century, and each concept corresponds to a flower. SFL was developed by the Leningrad Branch of Flower Power to be used in the future when key political ideas of the Modernity would have lost their familiar structure, retaining just a general outlines of a logical form. The sign in the SFL is, therefore, a mere outline of a flower without any structural detail.

One of the simplest ways to use the PPF is to conjure up a mental image of a political event, force or actor and project it onto an existing image of a certain plant. These mental collages were an indispensable element of the group's practices. In various forms, they were used in shared telepathic and parapsychological sessions (STnPS). Examples of such mental composites are provided in collages that accompany the timeline.

A wall of cardboard boxes—this was how the ASI research team first saw the archive of the Leningrad Branch of Flower Power, found in an abandoned summerhouse community. Of what comes to almost three hundred boxes, each is filled with photographs, drawings, maps, letters, notes, diaries, typewritten texts and photocopies, newspaper and magazine clippings, found objects and other documents that provide a detailed account of numerous historical events as well as the group's ideas and practices.

Ботанико-политический лексикон
 (фрагмент)
 2018
 Трафаретная печать
 42 × 29 см

Botanico-political Lexicon
 (detail)
 2018
 Screen print
 42 × 29 cm

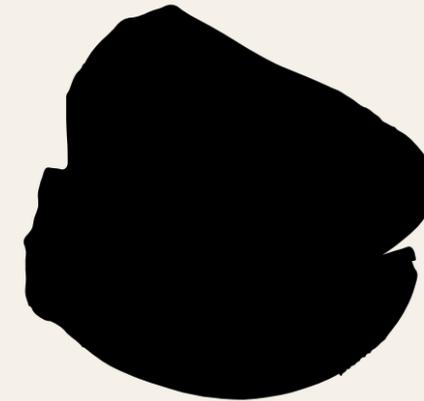

(7)

Anthurium acaule
Антуриум бесстебельный
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ботанико-политический лексикон
(Гражданское общество)
2018
Графаретная печать
Размеры варьируются

Botanico-political Lexicon
(Civil Society)
2018
Screen print
Dimensions variable

(231)

Spathiphyllum lancifolium
Спатифиллум каннолистный
РАВЕНСТВО

Botanico-political Lexicon
(Равенство)
2018
Графаретная печать
Размеры варьируются

Botanico-political Lexicon
(Equality)
2018
Screen print
Dimensions variable

Михаил Горбачев в Мурманске
2018
Коллаж, печать на бумаге
40 × 50 см

Mikhail Gorbachev in Murmansk
2018
Collage, c-print on paper
40 × 50 cm

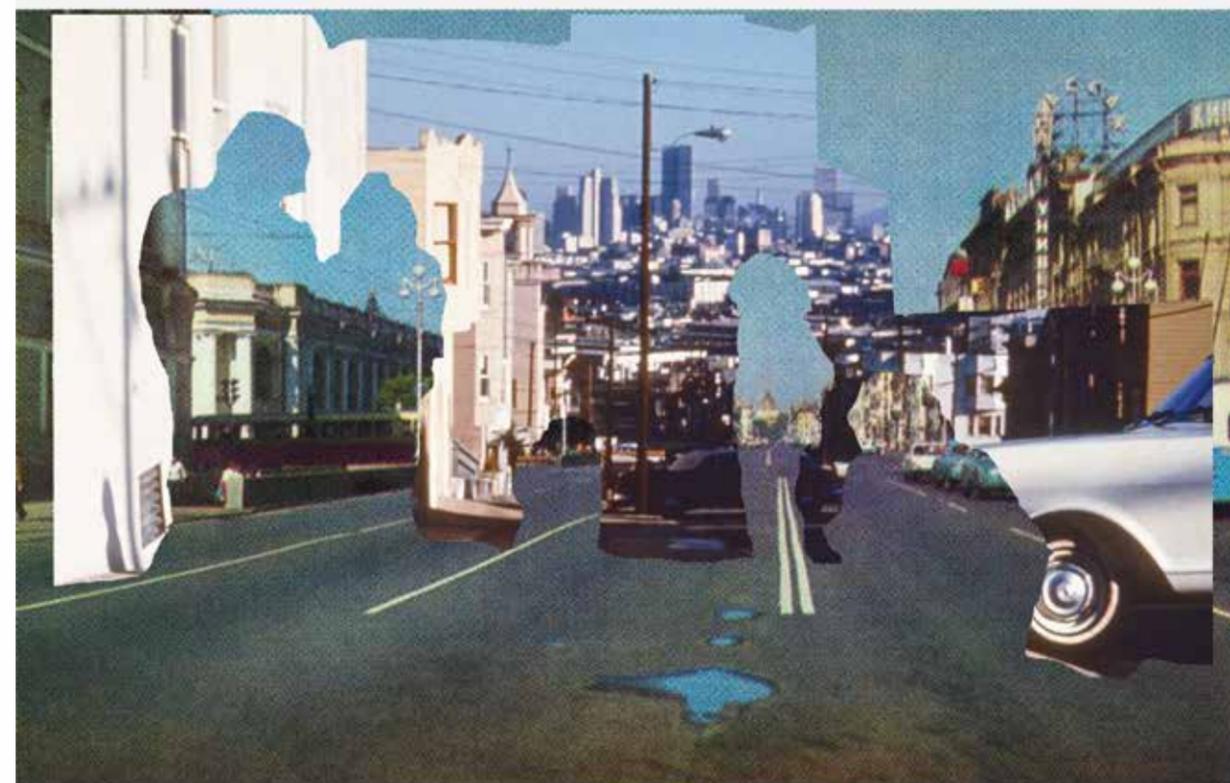
XXV съезд
2018
Коллаж, печать на бумаге
40 × 50 см

25th Congress
2018
Collage, c-print on paper
40 × 50 cm

С комсомолками
2019
Коллаж, печать на бумаге
40 × 50 см

Komsomol Members
2019
Collage, c-print on paper
40 × 50 cm

Grateful Dead в Ленинграде
2018
Коллаж, печать на бумаге
40 × 50 см

Grateful Dead in Leningrad
2018
Collage, c-print on paper
40 × 50 cm

Архив
2019
Картон, печать
Размеры варьируются

Archive
2019
Cardboard, print
Dimensions variable

ΠΡΟΣΤΡΑΗΣΤΒΟ ΠΟΤΟΚΟΒ
SPACE OF FLOWS

2.1 БЕССМЕРТНЫЕ

Генеральный план монументальной застройки Ленинградской области (ГПМЗ). Проект был разработан Ленинградской Ветвью для увековечения памяти деятелей подпольной рок-культуры, активистам ментального сопротивления. Само существование этого плана — уникальное свидетельство исторического оптимизма, охватившего адептов Ленинградской Ветви в конце XX века, незадолго до внезапной самоликвидации группы. Предполагалось, что после победы идей Flower Power в различных точках Ленинградской области будут установлены грандиозные монументы рок-музыкантам. Центральным элементом должен был стать мемориальный комплекс, посвященный рядовым приверженцам контркультуры, хиппи и другим представителям неформальных молодежных объединений. До нас дошел проект лишь нижней части этого памятника. Верхняя часть, скорее всего, не была спроектирована либо в соответствии с общим замыслом комплекса, либо в силу нехватки времени. ГПМЗ также включает проекты шести монументов звездам подпольной рок-сцены. Часть из них планировалось установить на побережье Ладожского озера и восточных окраинах Ленинграда. Памятники также должны были быть установлены в Петергофе, Гатчине, Пушкине, Кронштадте и других популярных у туристов пунктах.

2.1 IMMORTALS

Master Plan for Monumental Construction in the Leningrad Region (MPMC). This project was put together by the Leningrad Branch to commemorate prominent figures of underground rock culture, the activists of mental resistance. The mere existence of this plan is unique proof of historical optimism that came upon the disciples of the Leningrad Branch in the late 20th century, not long before the group suddenly decided to disband. The intention was that, after the triumph of Flower Power ideas, grand monuments to rock musicians would be installed across the Leningrad Region. The centerpiece would have been a memorial site dedicated to followers of the counterculture, hippies and other youth subcultures. Only designs of the lower section of the monument have survived. The upper section, most likely, was never designed either in line with the general concept or due to lack of time. MPMC also includes projects of six monuments to stars of the underground rock scene. Some were intended to sit on the shore of Lake Ladoga and in the eastern outskirts of Leningrad. More monuments were planned for The Peterhof Palace, the towns of Gatchina, Pushkin, Kronstadt and other popular tourist spots.

Мява (проект памятника)
2019
Коллаж, печать на бумаге
30 × 40 см

Miava (Project of a Monument)
2019
Collage, c-print on paper
30 × 40 cm

Майк (проект памятника)
2019
Коллаж, печать на бумаге
30 × 40 см

Mike (Project of a Monument)
2019
Collage, c-print on paper
30 × 40 cm

*Проект монументально-
мемориального комплекса*
2019
Слепок, дерево, эмаль
212 × 100 × 121,5 см

*Project for Memorial
Monument Site*
2019
Resin cast, wood, enamel
212 × 100 × 121.5 cm

2.2 ТЕМНАЯ ДРЕМА ЗЕМЛИ

Один из ключевых элементов в мире Flower Power — земля. В психо-археологических опытах группы она выступает агентом превращения времени в пространство.

Скелет ископаемого, Век-зверь (ВЗ), реконструкция. Группа практиковала сеансы ритуальной охоты на ВЗ и других представителей технологической гиперфауны, чьи следы еще попадаются в глубинах настоящего. Сеансы проводились в основном на тонком ментальном плане и не представляли опасности для животных.

Оптические фильтры (ОФ), реконструкция. ОФ использовались в практиках Flower Power для исследования и развития методик усматривания скрытого (МУС). Представленные реконструкции трех типичных ОФ собраны по простой спацио-темпоральной схеме. Оптическая ось соединяет ряд пространств, имеющих символическую, виртуальную и физическую природу. Это, прежде всего, социальное пространство зрителей (СПЗ). За ним, над изобразительной плоскостью, тонкое пространство красочного слоя. Сразу за изобразительной плоскостью — его двойник, тонкое пространство черно-белого лабиринта, определяющего логику взгляда. Дальше — пространство живописного образа (ПЖО) с его иллюзорной глубиной. За ПЖО — последняя область, пространство контекста (ПК), включающее дачный участок или лес, где росли сорванные цветы. Там, в ПК образа, и проявляется себя земля, дающая жизнь растениям. Здесь земля выступает в роли границы невидимого, горизонта отсутствия. Такое же ПК есть и за пределами СПЗ, за спиной зрителя; эта культурная среда, которая взрастила восприятие зрителя в роли ПК, подобна дачному участку или лесной полянке с цветами.

2.2 DARK SLUMBER OF EARTH

One of the central elements in the world of Flower Power is earth. In the group's psycho-archeological experiments, it serves as an agent of transformation of time into space.

Fossilized Skeleton, Century Beast (CB) (reconstruction). The group held sessions of ritual hunting on the CB and other species of the technological hyper-fauna, whose tracks can still be found in the depths of the present. The sessions were generally held on a thin mental plane and posed no risk to the animals.

Optical Filters (OF) (reconstruction). OF were used in Flower Power practices to explore and perfect the techniques for perceiving the concealed (TPC). The displayed reconstructions of three typical the OF were assembled to a simple spatio-temporal diagram. The optical axis connects a number of spaces that have symbolic, virtual and physical nature. Primarily, this is the social space of the audience (SSA). Next, above the visual plane, comes the narrow space, or layer, of paint. Right after the visual plane is the doppelganger of the paint, a narrow space of a black-and-white labyrinth that directs the pathways of the eye. Next is the space of the pictorial image (SPI) that possesses an illusory depth. After the SPI comes the last realm, the space of context (SC), which contains the summerhouse land plot or forest where the flowers were collected. There, in the SC, the earth begins to act, giving life to plants. The earth here is the boundary of the unseen, the horizon of absence. A similar the SC can be found outside the SSA, behind the audience's backs; this cultural environment has shaped the audience's perceptions in the role of the SC and is analogous to a summerhouse plot or a forest clearing with flowers.

Оптические фильтры 1945
2019
Холст, печать, акрил
136 × 100 см

Optical filters 1945
2019
Print and acrylic on canvas
136 × 100 cm

Оптические фильтры 1905
2019
Холст, печать, акрил
136 × 100 см

Optical filters 1905
2019
Print and acrylic on canvas
136 × 100 cm

Век-зверь

2019

Слепки, найденные объекты, эмаль

Размеры варьируются

Century Beast

2019

Resin casts, found objects, enamel

Dimensions variable

2.3 ОХОТНИКИ В ЛЕСУ

Ленинградская Ветвь Flower Power вела работу и в области политической экологии смыслов (ПЭС). Целью проекта ПЭС было улучшение условий производства и повышение культуры потребления смыслов в массовом масштабе. Считалось, что если настроить понимание на определенный смысловой диапазон, то реальность будет вынуждена адаптироваться к видению. По мере работы над ПЭС выяснилось, что гиперпространства, образованные потоками дискурса, при должной культивации предоставляют лучшие возможности для развития альтернативных версий истории и ритуальной охоты на представителей семиофауны (см. раздел «Темная дрема земли»).

Заросли лозунгов (ЗЛ). Пример семиологического гиперпространства, образованного пророщенными по специальной технологии лозунгами периода перестройки, одного из наиболее продуктивных периодов в истории Flower Power.

Популярные лозунги эпохи были отобраны и модифицированы в соответствии с практическими требованиями. Из них были удалены несколько букв, вместе составляющих фразу, часто использовавшуюся как заклинание перед началом телепатических акций и ритуальной семиоохоты.

Костюмы для семиопутешествий. Реконструкции костюмов тайного агента, поисковика и охотника, использовавшихся для перемещений, наблюдений, экспериментов и ритуально-символической деятельности в нелинейных коммуникационных средах.

2.3 FOREST HUNTERS

The Leningrad Branch of Flower Power was engaged in political environmentology of meanings (PEM). The aim of the PEM was to universally improve industrial working conditions and the culture of consumption of meanings. It was believed that, if the mindset was tuned to a certain range, the reality would be compelled to adapt to this vision. Working on the PEM, the group found out that hyperspaces formed by discursive flows can, when appropriately cultivated, yield better opportunities to develop alternative versions of history and ritual hunting on the semiofauna (see *Dark Slumber of the Earth*).

Thicket of Slogans (TS). An example of semiotic hyperspace formed by specially germinated slogans of the Perestroika era, one of the most productive periods in Flower Power history.

Popular slogans of the time were selected and modified to meet practical requirements. Several letters were removed from the slogans to form a phrase that was often used as a spell evoked before telepathic actions or ritual semio-hunting.

Semionaut's Travel Gear. Reconstructed outfits for secret agents, scouts and hunters that were used for travel, observation, experiments and ritualistic-symbolic activity in non-linear communication environments.

**ПЕ ЕСТРОЙКА – ТО
ИНИЦИ ТИВА СНИЗУ!**

**ПЕРЕСТ ОЙКА В СССР –
АКТОР МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ!**

ЕРЕСТРОЙКЕ – НЕРГЮ ДЕЛ!

**СМ ЛЕЕ, ТОВАРИЩ,
ГЛАСНОСТЬ – НАШАСИЛА**

Костюм семионанта (магнитная лента) *Semionaut Costume (Magnetic Tape)*
2019
Ткань, магнитная лента
185 × 76 × 20 см

Костюм семионанта (Значки) *Semionaut Costume (Badges)*
2019
Ткань, металл, печать
185 × 76 × 20 см

2.4 НЕБЕСНЫЕ СТРУКТУРЫ

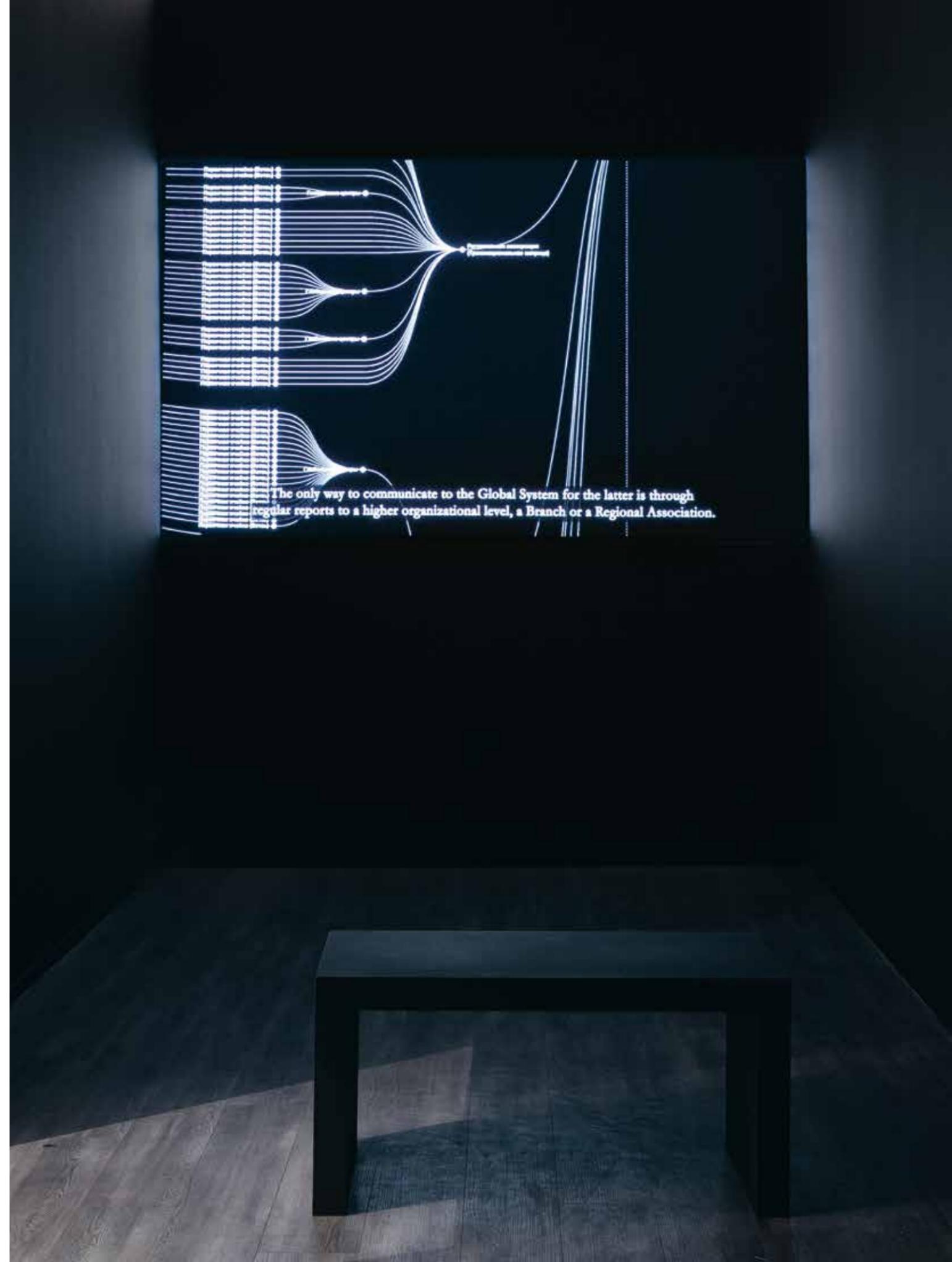
Реконструкция поздних представлений Ленинградской Ветви об устройстве всемирной сети Flower Power. Ячейки, группы, ветви, секции, ассоциации, мировые центры, — узлы этой сети могут насчитывать от пятидесяти (как в Ленинградской Ветви) до тысяч, а возможно, и миллионов адептов, как в крупных ассоциациях, объединяющих различные страны и регионы. Согласно воззрениям Ленинградской Ветви, в каждой стране, включая СССР, могло существовать множество подпольных групп Flower Power. Такие ячейки первичного уровня часто существовали в полной изоляции; даже сами их члены порой могли до определенного момента не подозревать о своей принадлежности к организации. Многоуровневая структура организации выходит далеко за рамки привычных представлений о сообществах, интегрируя и глубины психики, и дали Вселенной. Это завершенная, почти равновеликая мирозданию система, которая должна будет окончательно сформироваться в результате полной победы идей Flower Power. Отсутствие каких-либо указаний на название организации и местонахождение ее подразделений объясняется предельным уровнем секретности данного документа, доступного лишь в форме видения и только узкому кругу посвященных.

2.4 HEAVENLY STRUCTURES

A reconstruction of the beliefs that later-years Leningrad Branch held about the workings of the global Flower Power network. Sleeper cells, groups, branches, sections, associations, global centers—nodes of this network can recruit five or ten, as was the case in the Leningrad Branch, or thousands, or possibly millions of disciples, like major associations that integrate different nations and regions. The Leningrad Branch believed that each country, including the Soviet Union, could have numerous underground Flower Power groups. These lower-level cells often operated in complete isolation, even their members not necessarily aware of their association with the organization at first. The multilevel structure of the organization went far beyond the bounds of conventional understanding of community and incorporated the depths of human psyche and the broad expanses of the Universe. It was a complete whole, a system almost as large as the creation itself, which was meant to finally mature after the resounding triumph of Flower Power ideals. The absence of any mention of the organization's name or location of its units was justified by utmost secrecy of this document, available exclusively in the form of a vision and open to a very tight circle of the initiated.

Всемирная система
2019
Одноканальное видео, звук
5'

Universal System
2019
One-channel video, sound
5'

Юлия Аксенова: Проект Flower Power довольно сложно организован. Вы затрагиваете в нем несколько исторических пластов, делите экспозицию на множество тем, используете различные техники. Он выглядит довольно масштабным и глубоко продуманным. Расскажите, как он возник.

Станислав Шурипа: Работа над проектом заняла у нас около года; идея возникла довольно давно. И затем в какой-то момент почувствовалась необходимость представить духовную ситуацию эпохи, так сказать.

ЮА: Ты имеешь в виду эпохи именно нашей, в которой мы живем?

СШ: Для нас самое важное — это настоящее. Оно в любом случае состоит и из опыта прошлого, и из того, что ждут от будущего. Многие линии исторического опыта и ожиданий почти или совсем невидимы, забыты, затеряны. При этом потоки месседжей и данных не только скрывают возможности и стирают память, но и наоборот, — неожиданно открывают забытое и исчезнувшее, возвращают к жизни образы, которые, казалось, остались глубоко в прошлом. Сегодняшнее настоящее полно отблесками других времен, реанимированными паттернами, это что-то вроде undead modernity. Характерная черта времени в том, что образ будущего потерял былую привлекательность. Он как будто стерся, потерял энергию массовых надежд; больше нет уверенности, что прогресс принесет всеобщее счастье. Место образов будущего заняли образы прошлого. Они приходят из разных миров и историй. В нашей работе важную роль играет это чувство соприсутствия разных времен и версий истории. С этой множественностью мы и работаем, чтобы рассказать о блеске и нищете надежд на более свободный и справедливый мир.

ЮА: Поэтому вы берете эпоху 60-х годов, когда эти идеи были на пике своей актуальности?

СШ: Сегодняшний день — продолжение той эпохи; многое сегодня — это реакция на социальный и культурный прыжок в будущее, который тогда был сделан.

ЮА: Аня, ты считаешь, что сегодня вообще невозможно жить этим предчувствием будущего и предчувствием какого-то большого события, которое все изменит в нашем настоящем? Что вообще сегодня может обладать трансформативным потенциалом, если есть понятие презентизма, когда мы бесконечно проживаем настоящее и зависаем в этом времени?

Анна Титова: Мы повернуты к будущему спиной, как беньяминовский ангел истории, которого уносит ветер из прошлого. Самые разные вещи можно рассматривать как свидетельства, следы прошлого, читать как документы. Каждый шаг технической эволюции наполняет современность образами не будущего, а прошлого. Несколько лет назад стало очевидно, что история пришла к поворотной точке. История была заменена на бесконечную рекомбинацию фрагментарных изображений. Случайные и безумные рекомбинации неустойчивых явлений вызывают у нас особый исследовательский интерес. Например, Россия в XXI веке оказывается в авангарде неоконсервативного поворота. Будущее превращается в продукт, производимый идеологически, доступный только избранным. Для большинства же новое будущее — это мечта о прошлом, только более технологичном, ярком и наполненном. Такие мечты производятся, чтобы заглушить опыт провала социальных утопий. Отсюда постоянные реконструкции, пересмотры, возвращения, рекомбинации.

ЮА: Снова в авангарде, наконец-то.

СП: Только теперь в другую сторону.

АТ: Мир не справился с открытостью, он расслаивается, распадается на фрагменты и контексты. В АСИ есть особые департаменты, которые изучают эти явления, возможные сценарии адаптации, эмерджентные субъективности, которые могут жить и эволюционировать на границах этих разломов. Будущее сейчас это нечто корпоративное, непонятное, размытое и...

ЮА: Пугающее.

АТ: Не слишком гуманистическое.

ЮА: Не так много позитивных версий будущего существует сегодня.

АТ: Во многом из-за отчуждающего действия корпоративности и массового потребления. Если сегодня миры массового производятся, то они должны и подходить к концу.

ЮА: Конец времени.

СП: Сейчас все дифференцировано, разным слоям — разное будущее. Еще недавно сосуществование миров — одни живут в хай-тек будущем, другие в Средневековье — не очень давало о себе знать. А в наше время эти миры встречаются, сталкиваются или еще как-то взаимодействуют. Время и образы как никогда зависят от техники, от ее быстродействия, разрешающей способности, памяти. Машины работают так быстро, производство образов и данных настолько превосходит возможности человека, что потоки образов, голосов, нарративов выходят из берегов. До конца XX века будущее представлялось скорее в социальной перспективе: в нем машины

должны были создать лучшую жизнь для всех или большинства человечества. Антиутопии были немногочисленными и строились буквально как анти-утопии, зеркальные отражения утопий. В наше время образы будущего рассеялись, они больше не фокусируют социальную энергию. Машинное будущее отчасти уже здесь, но к всеобщему счастью это не привело. Восприятие не успевает адаптироваться к развитию информационных технологий. Растущий разрыв между людьми и машинами порождает огромную и быстро растущую «серую зону» коммуникационных фантомов, образов по ту сторону фактов и вымысла. Сознание не успевает привыкать к инфопотокам, образы воспринимаются эмоционально, они все ближе, их власть над представлениями людей все более непредсказуема. В них возвращается прошлое, но уже с элементом сай-фая.

ЮА: Возвращается, и благодаря развитию массмедиа, и социальных медиа, и интернета, и всех возможных форм фиксации.

СП: Эту ситуацию мы пытаемся осмыслить в наших работах, ситуацию новой силы образов, их небывалого влияния на людей.

ЮА: Первый зал на выставке посвящен так называемому сетевому времени.

СП: Сетевое время — это освобожденное от диктата линейной истории. Прошлое, которое живет и видоизменяется по каким-то собственным законам, с помощью разных каналов влияет на настоящее и будущее. Прошлое, из которого вырастает множество не исполненных версий будущего. Первый этаж посвящен потокам времени; первый зал в нем — про сети прошлого. Портреты деятелей правозащитного движения сделаны с отсылками к культуре романтизма, как если бы это

были декабристы. Вырезание силуэтов это традиция XIX века. До того, как стали доступны фотографии, вырезали из бумаги профили близких людей, чтобы сохранить память. Вырезание это действие памяти. Эта группа бронзовых силуэтов образует своего рода «аллею героев»; в ее конце — открытка из Чикаго. Она — тоже часть сети. В ней есть несколько уровней документальности. В итоге, пройдя процедуры переозначивания, открытка превратилась в ключевой элемент архива.

ЮА: Еще интересен объект с коробками, архивирующими всевозможные течения. Расскажите про него.

АТ: Это стена времени.

ЮА: Она довольно пугающе выглядит.

АТ: Рассказ о времени, который проходит через весь первый этаж, заканчивается его материализацией. Это реконструкция архива группы Flower Power в том виде, в котором он был найден поисковой командой АСИ. В этих коробках — время, прожитое, увиденное, воображенное, запомненное и рассортированное по категориям адептами группы.

ЮА: Зачем члены этого сообщества архивировали таким образом?

СП: С одной стороны, похоже, что адепты Ленинградской Ветви Flower Power надеялись на победу своих идей и документировали все свои идеи и видения для будущих поколений. С другой стороны, они опасались за сохранность материала в их головах, особенно учитывая возможный доступ к их головам тех, с кем они боролись. Поэтому они хранили фотографии, предметы и тексты, которые мы затем реконструировали для экспозиции.

ЮА: А зачем эти архивы нашему поколению? Нужны ли они?

АТ: Это важный вопрос. Для нас работа АСИ это возможность предать огласке результаты исследований. Мы в любом случае собираем документы, ищем скрытые связи явлений и разрывы смысла. Архив для нас — это режим наблюдения времени, и не только.

СП: Архив для художественного эксперимента — это натура, как для художника XIX века пленэр. Это новое царство объективности: каждую секунду производятся и сохраняются миллионы записей и изображений; ты делаешь шаг, а он уже записан. Эта вторая природа эволюционирует и разрастается на глазах. Поэтому архив может играть самые разные роли: быть и инструментом, и ареной, и персонажем, и ситуацией.

ЮА: У человека к тому же есть инстинкт самосохранения. Это стремление остаться человеком благодаря тому, что ты собираешь архив. Пока ты его собираешь, ты еще существуешь.

СП: Архивы в наших работах всегда найденные. Они — часть природы, где-то появляются, живут и потом их находят поисковики АСИ. Нам интересен архив-в-себе как экосистема, из которой растет социальная реальность. С темой новой власти архивов и образов связан мотив отсутствующего деятеля, исчезнувшего актора; с этим мы работаем в коллажах и других вещах. Исчезнувший или изъятый актер — это и противоположность, и продолжение тех, кто запомнен или вырезан памятью из потока. Действие совершается, но действует то ли пустота, то ли обстоятельства, то ли некая система, невидимая с доступных точек зрения.

Реальность становится многосложной и приобретает конспиративный характер, затемняется эффектом заговора; становится очень много известного неизвестного и неизвестного известного, как говорил кто-то из политиков. Эту текучую информационную природу, в которой непонятно, кто что делает, кто есть, а кого нет, и надо исследовать средствами искусства. Многие идеи в искусстве последних лет тридцати на сегодня во многом отработали свой потенциал и, перестав быть экспериментальными, стали типовыми.

ЮА: Надо сказать, что конструирование миров не так уж популярно и не так активно развивается в искусстве, и это странно, потому что это такая интересная тема, которая описывает мир, в котором мы живем. Вы как раз этим и занимаетесь.

АТ: Мы считаем, что реальность, окружающая нас — это не однородная панорама событий, которая разворачивается вокруг субъекта, а множество столкновений, слияний, переходов между контекстами. Отзвуки того, что можно было бы назвать духом времени — в напряжении, которое возникает при многочисленных столкновениях ожиданий, интересов, представлений. Это расслоение, пересечение реальностей — тема многих

наших проектов. Речь об «объективном» знании, сколько о незаметных, стертых, слабых эффектах коммуникаций. Проекты АСИ это не столько некое «чистое искусство», сколько акты коммуникации, попытки обмена сигналами. Каждый предмет — свидетель или место перехода между различными мирами. Объекты и изображения составляют нечто наподобие карты параллельной реальности.

ЮА: Когда я смотрела на эти объекты, у меня была та же мысль. Это вроде реальная часть какого-то трактора или машины, но они настолько не принадлежат нашей реальности, что мы смотрим на них отстраненно, даже не потому, что они окрашены.

СШ: Ископаемые, они проходят через разные миры.

ЮА: Больше напоминают эйдосы.

СШ: Реконструкции ископаемых эйдосов. В многоуровневых сетях будущего будут существовать экологические ниши и для ископаемых эйдосов. Мы как раз стремимся рассказывать о том, как сегодня возникает новый мир сверхразнообразия.

ЮА: В общем, вы поймали эту волну.

Yulia Aksenova: The *Flower Power* project has quite a complex structure. It taps several dimensions of history, the exposition divides into many themes, different media are used. The project gives an impression of scale and thorough planning. How did it come about?

Stanislav Shuripa: The project took about a year to make; the idea itself has been around for a long time. And then, a moment came when we felt the need to, let's say, represent the spiritual situation of the era.

YA: Do you mean this era, the one that we live in?

SSH: The most important thing for us is the present. It is in any case comprised of both past experiences and future expectations. Many avenues of historical experience and expectations are almost or completely invisible, forgotten, lost. But then you have the torrents of messaging and data that not only conceal the opportunities and erase the memory but also, conversely and unexpectedly, uncover the forgotten and lost, reanimate images that seemed to have been relegated to the past for good. The present of today is full of reflections of other eras, resuscitated patterns, something along the lines of undead modernity. A prominent attribute of our time is that the image of the future has lost its usual appeal. It appears to have been washed out, lost the energy of popular hopefulness; there is no longer certainty in the conviction that progress will bring about happiness for all. The place of future images has been taken by images of the past. They come from different worlds and histories. A key role in our practices is taken by this feeling of co-presence of different times and versions of history. And we engage this multiplicity to speak about the splendors and miseries of hope for a more just and freer world.

YA: Has this informed the choice of the 1960s, when these ideas peaked in relevance?

SSH: The current times are the continuation of that era; a lot of what we see today is a reaction to the social and cultural leap forward in the 60s.

YA: Anya, do you think it is completely impossible today to live in anticipation of the future and anticipation of some major event that is set to change everything? What is there that can have this transformative capacity, especially in the context of presentism where we are perpetually living a perpetual present, locked in this time?

Anna Titova: We have our backs turned to the future, like Benjamin's angel of history blown away by the wind of the past. A whole range of very different things can be regarded as evidence, traces of the past, be read like documents. Each step forward in technical evolution produces more images of the past, not the future. A few years ago, it has become obvious that history has arrived at a pivotal point. History was replaced with an endless recombination of fragmented pictures. Random and crazy recombinations of volatile phenomena are of special interest to us as researchers. For example, the 21st-century Russia found itself in the avant-garde of the neo-conservative turn. The future becomes a commodity of ideological production and accessible exclusively to the chosen. For the majority of us, this new future is a dream of the past but with more tech, color and content. These dreams are manufactured to drown out the experiences of failed social utopias. This is the source of constant reconstructions, revisions, revisitations, recombinations.

YA: Finally, we are once again in the avant-garde.

SSH: Yeah, but in reverse.

АТ: The world could not handle openness and it is becoming stratified, fragmented into

individual bits and contexts. Our Agency has specialized departments that study these phenomena, possible adaptation scenarios, emergent subjectivities that can exist and evolve on the boundaries of gaps. The future today is something corporate, inexplicable, blurry and...

YA: Frightening.

AT: Not very humanistic.

YA: There aren't that many positive versions of the future today.

AT: Mainly due to the alienating effects of corporatism and mass consumption. If worlds are being mass-produced, then they must soon reach their end.

YA: The end of time.

SSH: Everything is differentiated now, different strata get different futures. It was not very long ago when the co-presence of worlds—where some live in a high-tech future and others in the Middle Ages—was not so acute. But today these worlds are coming in contact, colliding and interacting otherwise. There is an unprecedented dependence of time and imagery on technology, its response times, resolution, memory. Machines work so fast that production of imagery and data exceeds human capacities, there is an overflow of images, voices, narratives. Until the end of the 20th century the future was construed more in the social dimension: machines were intended to facilitate a better life for all or most of the humanity. Dystopias were few and far between and were literal mirror images of utopias. Images of the future have scattered by now and lost their ability to focus social energy. The future of machines is in part already here, but this has not produced universal happiness. Our perception is lagging behind the development of information technology.

The widening gap between humans and machines leads to an expanding gray area of communication phantoms, images beyond the realm of fact and fiction. Our consciousness cannot in time adapt to information streams, images are perceived on the emotional level, they get closer to us and their power over our opinions is ever more unpredictable. The past makes a comeback through them, but sprinkled with some sci-fi now.

YA: It comes back also due to development of different mass media, social media and a variety of recording technologies.

SSH: This is the situation that we are trying to conceptualize in our work, the situation of a new power of imagery, its unprecedented influence on people.

YA: The first exhibition hall is about the so-called networked time.

SSH: Networked time means liberation from the dictum of linear history, a past that lives and changes according to its own rules and affects the present and the future through different channels. It is the past that originates a set of unrealized versions of the future. The first floor deals with streams of time; the first hall is about the networks of the past. Portraits of human-rights activists contain references to Romanticism as if they were Decembrists. Silhouette portraits is a 19th-century tradition. Before the advent of photography, people cut out profile silhouettes from paper to retain memory of their close ones. Cutting out is an action of memory. This group of bronze silhouettes forms a kind of an "alley of heroes," helmed at the end with a postcard from Chicago. The postcard is also a part of the network. It contains several layers or documentary information. At the end, after being subjected to resignification procedures, the postcard was incorporated into the archive.

YA: Another interesting object is the boxes that keep a record of various movements. What is that about?

AT: This is a wall of time.

YA: Looks quite frightening.

AT: A narration about time, unfolding through the entire first floor, ends with a materialization of time. This is a reconstruction of the Flower Power archive as it was discovered by the ASI research team. These boxes store the time, lived, seen, imagined, remembered and classified by the disciples of the group.

YA: Why would they maintain this sort of archive?

SSH: On the one hand, it seems that the disciples of the Leningrad chapter of Flower Power hoped for their ideals to prevail and kept a record of all their ideas and visions for future generations. On the other, they were concerned for safety of the materials in their heads, especially since there was a possibility of their adversaries gaining access to said heads. That was why they used to store photographs, artefacts and texts, which we then reconstructed for the exposition.

YA: Why would our generation need these archives? Are they of any use?

AT: That is an important question. The efforts of the ASI, for us, is an opportunity to disseminate the outcomes of the research. We are collecting documents, looking for hidden links between events and for gaps in meaning. The archive for us is a mode of observation of time and more.

SSH: In artistic experimentation, archives are like painting from life, or en plein air in the 19th century. This is the new kingdom

of objectivity: millions of images and records are made and saved each second; your each step is recorded before you even make it. This second nature is evolving and growing right as we speak. This is why an archive can perform very different roles: as a tool, an arena, a character, a situation.

YA: Besides, this has to do with self-preservation in people. A desire to remain human by virtue of maintaining an archive. So long as you are maintaining it, you exist. As soon as you stop, you can turn into no one knows what.

SSH: In all our works we use found archives. They are part of nature, they emerge somewhere, they live, and then they are found by our scouts. We are interested in an archive in itself which is an ecosystem as a habitat for social reality. The theme of the new power of archives and images is connected to the motif of the absent actor, the disappeared actor, which we address in collages and other objects. A disappeared or removed actor is both a mirror opposite and a continuation of those who have been either remembered or redacted from the stream. An action is effected, but it might equally be by emptiness or circumstance or a system unseen through our lenses. The reality becomes a complex compound and takes on a conspiratorial character, it is obscured by the conspiracy effect, it grows the amount of the known unknowns and unknown knowns, as some politician once put it. This volatile information nature—where you cannot make out who is doing what, who is and who is not—requires exploration by means of art. Many ideas in art of the last thirty decades or so have mostly exhausted their potential, ceased to be experimental, become routine.

YA: It's worth mentioning that constructing worlds is not especially popular and not an actively developing medium in art. This is

strange since the theme is so interesting, describes our world. And that's exactly what you are doing.

AT: We believe that the reality that surrounds us is not a homogenous panorama of events that happen around a subject but a large number of collisions, fusions, transitions between contexts. The echoes of what could be called zeitgeist—under the tension that emerges as a result of numerous collisions of expectations, interests, notions. This differentiation, intercrossing of realities is the subject in many of our projects. This is about “objective” knowledge but rather about inconspicuous, damped, weak effects of communications. The projects by the ASI are not so much some “pure art” but acts of communication, attempts to exchange signals. Each object is a witness or a place of transition between different worlds. Objects and images

combine into a kind of map of a parallel reality.

YA: I thought exactly that when I looked at these objects. They look like a real component of a tractor or a machine, but are, in fact, so alien to our reality that we contemplate them with detachment, not even because of their coloring.

SSH: Fossils, they traverse different worlds.

YA: More like eidoses.

SSH: Reconstructed fossilized eidoses. The multi-level networks of the future will have habitat niches for fossilized eidoses too. We are trying to represent the emergence of this new world of hyper-diversity.

YA: Evidently, you are attuned to it.

Издание приурочено к выставке
Агентство Сингулярных Исследований
(Станислав Шурипа, Анна Титова)
«FLOWER POWER. АРХИВ»
27 февраля — 14 апреля 2019

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Российская академия художеств
Московский музей современного искусства
Галерея «Триумф»

t⁹
triumph gallery

МОСКОВСКИЙ МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Директор Зураб Церетели
Исполнительный директор Василий Церетели
Первый заместитель директора Манана Попова
Заместители директора Людмила Андреева,
Алексей Новоселов, Георгий Паташури
Отдел выставок Юрий Копытов
Координация Полина Козлова, Мария Небольсина
Хранитель Мария Ласкина
Отдел по связям с общественностью
Вероника Кандаурова, Анастасия Бурлакова
Графический дизайн Дарья Браженко

АГЕНТСТВО СИНГУЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Архитектура Александр Волков
Руководитель производства Олег Мельников
Производство Элла Кертис, Марк Отрадинский-
Марков, Дмитрий Криворучко, Иван Шпак,
Владимир Копцов, Сергей Костюк

ГАЛЕРЕЯ «ТРИУМФ»

Емельян Захаров, Рафаэль Филинов,
Дмитрий Ханкин, Вера Крючкова,
Ольга Ковачева, Марина Бобылева,
Михаил Марткович, Кристина Романова,
Григорий Мелекесцев, Валентина Хераскова,
Алексей Шервашидзе, Владимир Чуранов,
София Ковалева, Софья Симакова,
Константин Алявдин, Наиль Фархатдинов,
Никита Семенов, Анастасия Лебедева,
Полина Могилина, Александра Высоцкая,
Мария Савельева, Артур Князев,
Кристина Павлова, Яна Ланде

Текст Юлия Аксенова
Перевод Федор Махляюк
Редактор Наиль Фархатдинов
Корректор Александр Образумов
Фото Иван Клейменов, Анастасия Лебедева
Верстка и подготовка к печати Яна Ланде

Published on the occasion of the exhibition
Agency of Singular Investigations
(Stanislav Shuripa, Anna Titova)
Flower Power. Archive
February 27 — April 14, 2019

Moscow City Government
Moscow City Department of Culture
Russian Academy of Arts
Moscow Museum of Modern Art
Triumph Gallery

MOSCOW MUSEUM OF MODERN ART

Director Zurab Tsereteli
Executive director Vasili Tsereteli
First Deputy director Manana Popova
Deputy Directors Lyudmila Andreyeva,
Alexey Novoselov, Georgiy Patashuri
Exhibitions Department Yury Kopytov
Coordination Polina Kozlova, Maria Nebolsina
Registrar Maria Lakina
PR Department Veronika Kandaurova,
Anastasia Burlakova
Graphic Design Daria Brajenko

THE AGENCY OF SINGULAR INVESTIGATIONS

Architecture Aleksandr Volkov
Head of Production Oleg Melnikov
Production Ella Curtis, Mark Otradinskiy-Markov,
Dmitry Krivoruchko, Ivan Shpak, Vladimir Koptsov,
Sergey Kostyuk

t⁹
triumph gallery

TRIUMPH GALLERY

Emeliyan Zakharov, Rafael Filinov,
Dmitry Khankin, Vera Kryuchkova,
Olga Kovacheva, Marina Bobyleva,
Mikhail Martkovich, Kristina Romanova,
Grigory Melekestsev, Valentina Kheraskova,
Alexey Shervashidze, Vladimir Churanov,
Sofiya Kovaleva, Sofia Simakova,
Konstantin Alyavdin, Nail Farkhatdinov,
Nikita Semenov, Anastasia Lebedeva,
Polina Mogilina, Alexandra Vysotskaya,
Maria Savelyeva, Artur Knyazev,
Kristina Pavlova, Yana Lande

Text Yulia Aksenova
Translation Fedor Makhlayuk
Editor Nail Farkhatdinov
Technical editor Alexander Obrazumov
Photo Ivan Kleimenov, Anastasia Lebedeva
Design, layout & prepress Yana Lande

АСИ выражает специальную благодарность
Асе Филипповой

ASI expresses special thanks to Asya Filippova

Особая благодарность Антону Ерунцову
за искреннюю и бескорыстную поддержку
деятельности галереи «Триумф»

A special thanks goes to Anton Eruntsov
for his sincere and selfless support
of Triumph gallery

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии «Сити Принт»

Edition 500
Printed at City Print, Moscow

ISBN 978-5-6041669-2-5

ISBN 978-5-6041669-2-5

Работы © Авторы
Тексты © Авторы
© Галерея «Триумф», 2019
© Станислав Шурипа, Анна Титова, 2018–2019

Works © Authors
Texts © Authors
© Triumph Gallery, 2019
© Stanislav Shuripa, Anna Titova 2018–2019